

В.ШКВАРКИН

Последний
день

ИСКУССТВО

В. ШКВАРКИН

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ

(Проклятое кафе)

ПЬЕСА В ТРЕХ АКТАХ,
ШЕСТИ КАРТИНАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва 1945 Ленинград

34/111.

Обложка художника
А. Сурикова

Редактор М. Горячкина

А15993 Подписано к печ. 17/V 1945 г. "Искусство" № 2854 Кол. печ.
л. 27/8 Уч.-кн.д. л. 2,7. Эн. в 1 п. л. 37.640 Гираж 3000. Зак. 400.
Цена 3 руб.

Тип. "Красный печатник", Москва, ул. 25 Октября, д. 5

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Нюра Завьялова	} служащие в кафе.
Ольга Павловна	
Казанцева	
Лида — ее дочь	
Василий Максимович	
Градусов	} служащие в кафе.
Коля — скрипач, 17 лет.	
Петр Петрович Баскаков — владелец кафе.	
Владимир Иванович Казанцев — врач.	
Алексей Николаевич Арсеньев.	
Савелий Михайлович (дядя Савелий).	} служащие в кафе.
Валентин Макарович Пряжкин.	
Мышеловский — солдат германской армии.	

Д а р л и ц — обер-лейтенант
Паульсен — капитан } офицеры германской армии.

Зина.

Федя — подросток на костылях.

Нищий художник.

Старший лейтенант.

Младший лейтенант.

Бездомные русские. Немецкие солдаты
Время действия — лето 1944 года.

А К Т I

Картина первая

Небольшое кафе. Несколько столиков. Слева — входная дверь, вешалка и окно, закрытое шторой. Против зрителя — стойка. За нею на стене полки с бутылками и кондитерскими коробками. В той же стене — дверь, ведущая в жилое помещение. Справа — маленькая эстрада; на ней пианино и виолончель в чехле. Ближе к зрителю — дверь в кладовую.

Вечер. Яркий электрический свет. За стойкой — Ольга Павловна. Лида убирает посуду со столика. У входной двери, прислонясь к стене и заложив руки за спину, — Нюра. На эстраде — Коля, тщедушный подросток в черной куртке, из которой он вырос. Коля со скрипкой. Тихонько пробует смычком струну.

Ольга Павловна (по телефону). Пекарня? Кондитерская? Говорят из кафе на

Иоганштрассе... Из кафе на Иоганштрассе... Ну да, с Ивановской улицы. Я звоню четвертый раз, послала к вам нашего швейцара... Почему до сих пор не привезли хлеба в кафе? Что? Хлеб ушел в другую сторону? (*Опускает трубку.*) В пекарне кто-то сошел с ума!

Нюра. «Хлеб ушел в другую сторону...» Так и сказали?

Ольга Павловна. Ну да. Я ничего не понимаю. Коля, где же остальные музыканты? Почему они не пришли?

Коля. Не знаю. Я пришел во время. (*Продолжает чуть слышно наигрывать.*)

Ольга Павловна. Но вы же один не можете заменить трио? Коля, голубчик, сходите за ними.

Коля. Пожалуйста, я скажу. (*Идет к вешалке, останавливается, неожиданно кричит.*) Я знаю, знаю, почему они не пришли! Сейчас проверю! (*Хватает с вешалки кепку и убегает.*)

Ольга Павловна. Что вы знаете? Коля, Коля!.. Ничего не понимаю. Музык нет, швейцара нет...

Нюра. Не добомбили вас, Ольга Павловна.

Ольга Павловна (*обиженно*). Меня не добомбили?

Нюра. Вы не обижайтесь, только вас, действительно, не добомбили. Музыкантов нет —

волнение, швейцар не идет — опять страхи... И это при нашей смертельной жизни...

Лида. Ну, для вас-то она не «смертельная», а, пожалуй, даже приятная. Немецкие офицеры за вами ухаживают...

Нюра (*вызывающе*). Да, красота — это страшная сила.

Лида. У вас, кажется, и жених — немецкий ефрейтор. Конечно, вы ничего не боитесь.

Нюра. Нет, боюсь. Чертесчур интеллигентных барышень боюсь! (*Идет к двери в кладовую, поворачивает выключатель на притолоке и скрывается в освещенной кладовой.*)

Ольга Павловна. Лида, опять? Зачем ты ее сердишь? Мы же не знаем эту Нюру. Служит она здесь всего две недели...

Лида. Хорошо, мама. Я не буду.

Входит Василий Максимович.

Ольга Павловна. Вы были в пекарне?

Василий Максимович. Был.

Ольга Павловна. Ну?

Василий Максимович (*значительно*). Пекари ушли.

Лида. Куда ушли?

Василий Максимович. Адреса не оставили.

Ольга Павловна. Я ничего не понимаю.
Говорите толком, подробно.

Василий Максимович. Извольте. Иду
я в пекарню, мимо взорванного квартала, смот-
рю, и вижу: точь в точь развалины Колизея
при лунном свете.

Ольга Павловна. О, господи! А вы
настоящий Колизей видели?

Василий Максимович. Ну, не видал.
Но от этого сходство только увеличивается.
(Оглядел кафе. Громким шепотом.) Ушли пе-
кари! В лес ушли! Вы знаете, где Фронт? Ду-
маете там? (Указывает.) Вон он где! (Показы-
вает в сторону под прямым углом.)

Ольга Павловна (от неожиданности
садится). Как же по радио говорили?

Василий Максимович. Это они гово-
рили. А сами вы не слыхали, где стреляют?
Давайте карту.

Лида (достает из-за стойки карту и раскла-
дывает ее). Василий Максимович, неужели прав-
да? Наконец-то!.. (Теребит Ольгу Павловну за
рукав.) Мама, вы слышите?

Василий Максимович (над картой).
Наши не прямо на город двинулись, а... поз-
вольте булавочку (берет у Лиды булавку, пока-
зывает) ... с севера и с юга обошли. И теперь
немцам из города надо уходить. Понимаете?

Освобождается последний русский город! (Оглянулся, понизил голос.) Последний город!

Ольга Павловна. Покажите мне. Такая маленькая карта и столько на ней страданий... Все склонились над картой. Из внутренней двери тихо входитober-лейтенант Дарлиц.

Василий Максимович. Видите?

Ольга Павловна. Где наши?

Василий Максимович. Вот.

Ольга Павловна. А немцы?

Дарлиц. Здесь!

Все отпрянули.

Сдаете город? Кто воткнул булавку? (Ударяет по карте кулаком.)

Ольга Павловна. О, булавка сама воткнулась. От неожиданности. Вы ее извините.

Молчание.

Дарлиц. Ждете? Ждете «своих»? Эта встреча не состоится. Если мы даже оставим город, ваша встреча со «своими» не состоится. (Уходит во внутреннюю дверь.)

Ольга Павловна. «Не состоится»... Что это значит? Мы даже не знаем, когда можно начать радоваться!

Лида. Я помню: в зоопарке стеклянный ящик, а в нем — змея. Черная. И здесь же, ря-

дом со змеей, мыши, маленькие мыши... Роются лапками в песке... Может быть, корма ищут. А над стеклянным ящиком — лампа. Вот такой же яркий, голый свет, как в этом проклятом кафе. Какая отвратительная обреченность! И так три года...

Василий Максимович. Лидия Владимиrowна, не впадайте в мышиное настроение. Если он по карте стучит, это хорошо, если пугает, тоже хорошо. Значит, эту самую змею скоро...

На пороге вновь Дарлиц.

(Снимает фуражку.) Приветствую вас!

Дарлиц. Виноват. Доктор еще не вернулся?

Ольга Павловна. О, нет еще!

Дарлиц. Не откажите прислать мне кофе наверх.

Ольга Павловна. О, сию минуту.

Дарлиц. Кофе мне принесет... Лида..

Ольга Павловна. О, господин обер-лейтенант! Она устала... О, разрешите я принесу кофе?

Дарлиц. Вам это доставит удовольствие?

Ольга Павловна. О, да, господин обер-лейтенант.

Дарлиц (коротко хохочет). Хорошо. (Уходит.)

Лида. Мама, зачем вы «о» прибавляете?
«О, нет», «О, сию минуту».

Ольга Павловна. Я надеюсь, что это
«о» его хоть немного обезоружит. Три года
агонии! (Ставит на поднос кофейный прибор,
носит его за Дарлицем.)

В кафе входит Мышеловский, молодой солдат
германской армии. Он иногда не сразу понимает русскую
речь. Говорит со смешанным акцентом.

Мышеловский (кланяется Лида). Здрав-
ствуйте!

Лида кивает и уходит.

Здравствуйте, господин Градусов.

Василий Максимович. Здравствуй,
господин Мышеловский.

Мышеловский (тревожно). А где Ню-
ра? Нюра Завьялова?

Василий Максимович. Здесь она,
здесь. (Кричит.) Нюра, «жених» пришел.

Нюра выходит из кладовой. Мышеловский радостно
кланяется. Нюра говорит с ним громко, как с глухим.

Нюра. А, Мышеловский!.. (Весело.) Я ду-
мала, тебя убили.

Мышеловский (сияя улыбкой). Убили?
Нет, я живой.

Нюра. Ну, значит, скоро убьют.

Мышеловский. Разрешите сесть?

Нюра. Дерутся, грабят, а присесть разрешение спрашивают. Тебе чего подать?

Мышеловский (приподнимаясь). Кофе, коньяк, пожалуйста.

Из внутренней двери входит Ольга Павловна. Мышеловский и ей кланяется. Нюра подходит к стойке.

Нюра. Один раз кофе, один раз коньяк.

Ольга Павловна (отпускает заказ). Василий Максимович, не будем им мешать.

Нюра. И хорошо сделаете.

Ольга Павловна уходит.

Василий Максимович. Ох, дерзка! (Уходит за Ольгой Павловной.)

Мышеловский (кивая вслед Ольге Павловне). Злющая?

Нюра. Нет. Только чересчур интеллигентная. (Ставит перед Мышеловским заказанное.) Ты что? Опять свататься пришел?

Мышеловский. Опять, да.

Нюра. Я за бродягу не пойду. Еще рюмку налить, всемирный путешественник?

Мышеловский. Прошу, пожалуйста. У меня на родине своя земля есть. Я наполовину чех, наполовину поляк. (Оглянувшись.) Только там сейчас восстание.

Нюра. Ну-у? Папа твой, что ли, взбунтовался? Тогда ты должен итти его усмирять.

Мышеловский (ударяет ладонью по столу). Зачем такие слова! Каждый раз такие слова!

Нюра. А что? Я верно сказала. Ты немецкий солдат или нет? Велят тебе папаньку усмирить — и усмиришь. И не смей на меня по столу стучать. Ты сюда свататься или скандалить пришел?

Мышеловский. Пришел свататься. Извиняюсь.

Нюра. Жених... Ты же на днях отсюда дальше побежишь. Значит, и я за тобой? Это не свадьба, — одна беготня! Убьют тебя, Мышеловский!

Мышеловский. Ха... Я такой девушки нигде не видал.

Нюра. И нигде не увидишь. Ладно, делаю тебе снисхождение: можешь притти попрощаться.

Мышеловский. Прощаться?

Нюра. Вы же уходите. Ну? Мне-то можешь сказать?

Мышеловский. Приказа нет, приказа не было.

Нюра. А когда будет, придешь?

Мышеловский. Приду.

Нюра. Дурачок.

Мышеловский. Не знаю, как сказать

по-русски. Я могу поступить грубо... Любовь не позволяет. А Нюра может надо мною все!

Нюра. Да, красота — это страшная сила. Погляжу я на тебя...

Мышеловский. И что?

Нюра. Убьют тебя, Мышеловский!

Мышеловский. Все равно не сержусь. (Встает.) Нюра для меня, как цветок или маленькая птица. Нюра...

Входит капитан Паульсен. Мышеловский вытягивается.

Паульсен. Это кафе не для нижних чинов. (Шелкает пальцами.)

Мышеловский делает поворот и выходит. Вбегает Василий Максимович и принимает от офицера фуражку.

Нюра. Вот тебе и птица! (Подходит к севшему за столик офицеру, говорит с ленивым безразличием). Кофе? Коньяк?

Паульсен. Кофе. Коньяк. (Поднимает два пальца.)

Нюра. Один раз кофе, два раза коньяк. (Подает офицеру кофе.)

Вбегает Коля, кричит еще с порога.

Коля. Ольга Павловна! Лида! Музыканты не придут! (Видит офицера, смолкает.)

Паульсен. Почему не придут музыканты?

Коля. Они... заболели.

Паульсен (Коле). Играйте вы.

Коля. А кто же на рояле?

Паульсен (указывая на Нюру). Играйте вы!

Нюра. А вы меня научили?

Паульсен (указывая на Василия Максимовича). Играйте вы! (Указывая на Ольгу Павловну.) Играйте вы!

Ольга Павловна. О, я когда-то немного играла...

Паульсен. Играйте немного.

Ольга Павловна и Коля начинают играть вальс.

(Рассматривает Нюру, выпивает, потом обворачивается к музыкантам.) Медленнее, печальнее! (На несколько секунд опускает голову на стол. Выпрямляется.) Теперь быстрей.

Музыканты повинуются.

Еще быстрей! (Смотрит на Нюру, вырывает из блокнота листок, пишет.) Бравурнее!

Ольга Павловна старается, но не успевает.

Довольно!

Музыка обрывается.

(Кладет деньги на стол и протягивает Нюре листок.)

Нюра. Это что?

Паульсен. Читайте!

Нюра. «Гогольштрассе, номер 12, 10 часов вечера. Капитан Паульсен». Ну?

Паульсен. Сегодня приедете. В гости.

Нюра. И не ждите. Чего не могу, того не могу. (Убирает записку в сумочку, которую взяла с прилавка.)

Паульсен. Что?

Нюра. Вы, герр капитан, полковника фон Берга знаете?

Паульсен. О, да!

Нюра. Так вот, полковник ко мне чересчур ревниво относится. Понятно?

Паульсен. О-о!

Нюра. И даже разговоры мне запретил. А если, говорит, какая сволочь...

Паульсен. Что-о?

Нюра. Это полковник, полковник говорит: если какая сволочь будет ко мне приставать, чтобы я немедленно ему жаловалась. Нох эйн маль конъяку?

Паульсен. Нет, благодарю. (Встает, идет к двери, вынимает из кобуры револьвер; не выбрав мишени, вяло сует револьвер в кобуру и выходит.)

Коля. Ольга Павловна! Наши музыканты!..

Ольга Павловна. Коля, подите сюда!

Нюра с презрительной гримасой уходит, унося посуду.

Коля (подошел). В чем дело?

Ольга Павловна (кивая на дверь, о Нюре). Мы ее мало знаем.

Василий Максимович. Это вы про нее напрасно...

Ольга Павловна. Ну, говорите.

Коля. Я к ним бегал. Ушли из дома три часа тому назад. Сказали, что в кафе. Понимаете? Они или спрятались или совсем из города ушли!

Василий Максимович. И пекари и музыканты.

Ольга Павловна. А мы? Нам что делать?

Коля. Надо уходить. Но как? Там заставы...

Входит Нюра. Коля надевает кепку.

Ольга Павловна. Коля, вы завтра сюда придете?

Коля. Не знаю... У меня зубы начинают болеть.

Нюра. Дурачок.

Коля (кричит). У прошу быть повежливее!

Нюра. Таинственная железная маска.

Коля. А вы...

Ольга Павловна. Коля! Коля!

Коля бежит к выходной двери.

Нюра. А скрипку здесь оставляешь?

Коля неловко возвращается, берет скрипку.

Ох, просвечивает твоя железная маска...
(Ольге Павловне.) Я за посудой пошла.

Коля ушел. Нюра уходит во внутреннюю дверь.

Василий Максимович. Заметили?
Немец нацелился и не выстрелил. Опять хороший знак. День, с большой буквы День приближается, Ольга Павловна! Потом это число во всех календарях золотой краской выкрасят. И мы снова людьми станем. Разве мое призвание вешалка? Нет, я опять на эстраду вернусь. Ведь обо мне даже в газете писали. Замечательные отзывы были. (Вынимает истлевшую по сгибам вырезку.) Вот... (Читает.) «Все номера прошли с успехом (восторженно), если не считать выступления автора-куплетиста Градусова, которое заставило желать лучшего».

Ольга Павловна. Ну?

Василий Максимович. Вы понимаете, какой концерт был, если мое выступление заставило желать лучшего?!

Ольга Павловна. Но вас-то обругали?
Василий Максимович. Пускай ругают.
Хоть каждый день из номера в номер, только
бы то время вернулось! Я это сочувственное
ругательство как святыню храню.

Нюра вносит чистую посуду. Входит нищий ху-
дожник, молча снимает шляпу. Бережно держит что-
то, завернутое в обрывок газеты.

Ольга Павловна. Вам что?

Нюра. Хоть говорить-то его не заставляй-
те: «что»... (Берет большой кусок хлеба, подает
нищему.)

Художник. Большое спасибо.

Василий Максимович (берется за га-
зету, которую держит художник). Позвольте,
хлебец заверну.

Художник. Осторожно. Здесь моя карти-
на. То есть осколок моей картины. Вчера они
взорвали Дом пионера. Там на стене я писал:
«Весенний праздник». (Развортыает, показы-
вает плоский кусок штукатурки.) Вот я под-
нял... Два лепестка, два обожженных лепестка.
Все, что осталось от «Весеннего праздника».

В кафе быстро входит Петр Петрович Баска-
ков. На нем расстегнутое легкое пальто.

Баскаков. Опять нищим подаете? (Васи-
лию Максимовичу.) Зачем пускаешь?

Василий Максимович (выпуская нищего). Это бывший художник... В виде исключения.

Баскаков. Гнать их без исключения. (Нюре.) Полбуханки отвалила. (Подходит к стойке, наливает, пьет.)

Нюра (кладет на стойку деньги, говорит равнодушно, как всегда при расчетах). Один раз милостыня. Получите.

Баскаков (спокойно). Уволю.

Нюра. Если успеете.

Баскаков сделал вид, что не расслышал.

Ольга Павловна. Свежего хлеба не привезли, музыканты не пришли.

Баскаков. Музыканты... А что играть? Что им теперь играть? Музыки такой еще не сочинили.

Василий Максимович. Петр Петрович, что в городе слышно?

Баскаков. Поди и послушай. (Берет телефонную трубку, набирает номер.) Господин Шульц? Гутен абенд. Говорит владелец кафе с Иоганштрассе, негоциант Баскаков. Разрешите явиться для личного объяснения. По телефону? По телефону не совсем удобно... Слушаюсь. Мою племянницу Катерину Баскакову взяли в дом... так точно, в заведение для солдат. Но

поскольку она — девушка интеллигентная, с законченным средним образованием, очень прошу перевести ее в офицерское ютделение.

Пауза.

Покорно благодарю. (*Кладет трубку, смотрит на всех.*) Кто смеялся? (*Василию Максимовичу.*) Ты смеялся?

Василий Максимович. Помилуйте, я серьезно стоял, вот при вешалке.

Нюра. Ох, и зарезала бы я вас на месте племянницы!

Баскаков. Верно. Следует. Ты думаешь, мне когда снилось за такой протекцией обращаться? Сейчас сюда шел, башку поднял, а надо мной — звезды. Несовместимо! Погасить, погасить по распоряжению комендатуры! (*Наливает, пьет, оглядывается.*) Всю жизнь ни у кого совета не спрашивал, теперь советуйте. Ну?

Ольга Павловна. Вы о чем, Петр Петрович?

Баскаков. А сами не понимаете? О чем... С ними уходить или оставаться?

Молчание.

Ну, общался я с ними... (*Василию Максимовичу.*) А ты не общался?

Василий Максимович. Я при вешалке. Впущу трезвого, выпущу пьяного — все мое общение. Я в это дело души не вкладывал. Вот коль бы я не вешалку, а эстраду обслуживал, если бы я художественное слово против своих обратил, вот тогда бы и я на небо взглянуть не осмелился!

Баскаков. А я, я что делал? Ну, кофейню открыл, ну, камешки, меха покупал, продавал...

Нюра. А больше ничего не продавали?

Баскаков. По-твоему, родину, да? Родину продал Баскаков? Ну, где, когда, говори! Ну, общался с немцами. А своим разве я не помогал? Куда бы вы все без меня девались? Дочка ваша, Лидия Владимировна, где бы теперь была? Я и Владимира Ивановича, супруга вашего, уважаю. Помню, как он меня вылечил.

Нюра. Значит, и хорошие доктора ошибаются.

Баскаков. Убил бы я тебя, — некогда. Ну, один раз промахнулся. Но людям-то я помогал?

Василий Максимович. И один таран может испортить целую кружку пива.

Баскаков. Ты свои куплеты для бедных береги.

Входит Лида.

Баскаков (не видит ее). Ну, остался я в городе при немцах. А Владимир Иванович не остался?

Лида. Как вы смеете сравнивать?

Баскаков быстро обернулся, кланяется.

Вы отлично знаете, что тогда не успели увезти всех больных и отец не мог их бросить. Отец вел себя безупречно, а вы... (Уходит.)

Баскаков (глядя ей вслед). «По небу полуночи ангел летел...» «А вы... Ну, барышня, не договорила, а советская власть, пожалуй, доскажет. (Метнулся к телефону.) Ваня? Ваня, ты чернобурый помаленьку укладывай. Складывай, да. (Положил трубку. Идет к двери. На пороге.) Если придут милостыню просить, давайте! (Ушел.)

Василий Максимович. Раз Баскаков про звезды вспомнил, значит, немцы закатываются,

Входит Лида.

Лида. Мама, я думаю, сегодня можно закрывать раньше. Василий Максимович, запирайте!

Василий Максимович. Слушаю. (Запирает входные двери.)

Лида берет с буфета блюдо, подходит к двери в кладовую, нарочно крепко нажимая, поворачивает выключатель, открывает дверь. В кладовой темно.

Лида. Опять не горит. Василий Максимович, сходите за монтером. Знаете, Арсеньев, сейчас за углом.

Василий Максимович. Может, я починю?

Лида (нервно). •Позовите Арсеньева (Меняя тон.) Пожалуйста.

Василий Максимович. Иду, иду (Уходит во внутреннюю дверь.)

Нюра. Зря вы за этим Арсеньевым посылаете.

Лида. Почему?

Нюра. Какой же он монтер! Два раза в кладовой свет чинил, а что толку?

Лида. Я вас очень прошу не вмешиваться не в свое дело.

Нюра. Ладно. Делайте «свое дело». (Ольга Павловна.) Я на кухню ужинать пошла. (Поет.) «Красотки, красотки, красотки кабаре» (Ушла.)

Лида. Мама, я здесь уберу, идите.

Ольга Павловна. Оставь, пожалуйста.

Лида. Вам надо отдохнуть.

Ольга Павловна. Что значит — отдохнуть? Ну, сяду я, лягу... Разве это отдых? Вот отец твой не идет из лечебницы...

Лида. Вы всю жизнь о чем-нибудь волновались.

Ольга Павловна. Да, волновалась. Но как, о чём? Я волновалась, когда у тебя горло болело, когда ты из гостей опаздывала, я из-за плохо сшитого платья волновалась. Боже! Какое счастливое, какое спокойное волнение!

Лида. Идите, идите, мама!

Ольга Павловна. Куда ты меня вечно гонишь? Дай досказать! Мы еще живем гораздо лучше других.

Лида. Да, да, конечно.

Ольга Павловна. Я сказала — живем. Висим над бездной. И даже не висим и даже не над бездной...

Лида. Мама, я рассержусь!..

Ольга Павловна. Ухожу, ухожу... (Уходит.)

Лида включает радио.

Голос в радио. «Успешно отражая атаки русских, германские войска продолжают сокращать прежние позиции».

Лида выключает радио.

Входит Арсеньев. За ним — Василий Максимович. Кисть левой руки у Арсеньева перевязана.

Василий Максимович. Привел.

Лида. Здравствуйте. (Василию Максимови-

чъ:) Спасибо, Василий Максимович. Ступайте ужинать!

Василий Максимович уходит. Лида бросается к Арсеньеву и обнимает его.

Алеша! Что с твоей рукой?

Арсеньев. Пустяки, на работе.

Лида. Они уходят? Это правда?

Арсеньев. Должны уйти.

Лида. Прости, что я тебя позвала, но мне больше не у кого спросить... И еще: я не могу так долго не видеть тебя, ничего не знать о тебе. Мы так редко встречаемся. Наши встречи... «Свидания»... Господи! В лесу, где вместо деревьев огромные горелые щепки. У реки, по которой плывут мертвцы... А наше небо... Небо!.. Мы от него в подвалы прятались. А здесь... Алеша, забудем, что мы в этом проклятом кафе...

Арсеньев (обнимая Лиду). И немцев забудем?

С улицы один за другим слышны два выстрела.

Напоминают. Ничего. Скоро их не будет.

Лида. Скоро... Когда же?

Арсеньев. Вот это мы и должны узнать. Мне пока не удалось.

Лида. Погоди! (Указывает на потолок.) Лейтенанту приносят все приказы.

Арсеньев (прислушивается, потом говорит громко). В кладовой перегорело?

Лида. Кажется, со штепселям что-то...

Арсеньев. Сейчас исправим. (Работает.)

Лида. Он живет в комнате, которая была моей. Ключи у меня сохранились.

За сценой шум.

Арсеньев. Сейчас будет гореть. Рука мешает. Подержите, пожалуйста.

Лида. Как у тебя руки огрубели.

Арсеньев. Мало огрубели. Когда приходится ночью по лесу, без дороги, перчатки надеваю.

Лида. Ты опять был в лесу? В отряде?

Арсеньев. Да. (Громко.) Теперь будет гореть. (Обнимает и целует Лиду.) Дорогая моя...

Лида. Не пропадай надолго!

Входит Нюра.

Арсеньев. Ну вот, все в порядке. (Собирает инструменты.) До свидания.

Арсеньев идет к двери.

Нюра. А платить мастеру за работу не надо?

Пауза.

Нюра. И монтер хорош: уходит без денег и даже выпить не просит.

Пауза.

Арсеньев. Я вас не понимаю.

Нюра (Лиде). И вы напрасно каждый раз один и тот же штепсель ломаете. Мало ли что можно придумать! Ну, там водопровод испортился...

Лида (напряженно смеется). Вы какими-то загадками говорите...

Нюра. Ей, может быть, простительно, а вы, товарищ Арсеньев, взрослый, инженер...

Арсеньев. Да, Арсеньев, но инженером не был.

Нюра. Извините. Значит, я другого Арсеньева знала. Очень похож. Только тот — инженер. Он перед самыми немцами за своей машиной ~~кюда~~ приехал, а выехать не успел. Я в том же доме жила. Ну вот, в городе у нас этого Арсеньева не знали, он и скрыл свою квалификацию. Чтобы ~~на~~ немцев не работать. Теперь примуса, кастрюли починяет... Может, и еще что делает... Значит, это другой Арсеньев? Извините. (Идет к двери.)

Арсеньев. Подождите. Вы не ошиблись, я — инженер Арсеньев. А теперь что скажете?

Нюра. А теперь вы в ~~затруднительном~~ по-

ложении. Если я своя — ничего, а если нет? Значит, я вас выдам. Значит, меня надо немедленно ликвидировать. А как? Кругом люди, и немец наверху живет.

Арсеньев. Стойте! Мне о вас говорили!.. Вы — Нюра Завьялова?

Нюра. Может быть.

Арсеньев. Савелий Михайлович — ваш дядя?

Нюра. Может быть. Вы, гражданин монтер, свет исправили?

Арсеньев. Исправил.

Нюра. Вместо денег выпить хотите?

Арсеньев. Позвольте. (Берет рюмку.)

Нюра. Рюмочку! (Потрясая стаканом.) Вот, вот какой стакан монтер схватит.

Арсеньев. Ваше здоровье! (Пьет.) Лида, это наш друг... Это...

Нюра. Ладно, ладно. Закуси, товарищ монтер, и ступай. (Берет бутерброд и подает Арсеньеву. Помахивая салфеткой, отходит, напевая.) «Красотки, красотки, красотки кабарэ...»

Арсеньев. Наша! Когда притти?

Лида. Завтра утром.

Арсеньев уходит. Лида подбегает к Нюре.

Нюра, простите, я не знала...

Нюра. А теперь что знаете? Ничего не знаете.

Лида. Мне казалось... у вас столько друзей офицеров...

Нюра. Я их и в глаза не видала. Фамилии, действительно, выучила: лейтенанта отпугаешь майором, а майора — полковником. Дисциплина у них еще сохранилась.

Лида. Но теперь вы не сердитесь? Я много обидного говорила.

Нюра. Один раз вы очень верно сказали, помните? Про черную змею в ящике.

Лида. Вас же тогда здесь не было!

Нюра. А я из кладовой подслушивала. Вы же ко мне присматривались, ну, и я к вам прислушивалась.

Лида. Понимаю. (Пожимает Нюре руку.)

Входит Ольга Павловна.

Ольга Павловна. Отец вернулся... (Видит рукопожатие.) Что это значит?

Лида. Вы можете говорить при ней все.

Ольга Павловна (испуганно). Я вообще никогда ничего ни против кого не говорила.

Нюра. Вот и помалкивайте.

Из внутренней двери входит Владимир Иванович.

Лида. Папа, как ты долго сегодня!

Ольга Павловна. Нюра, принесите Владимиру Ивановичу поесть.

Нюра. Сейчас. (Уходит.)

Владимир Иванович. Меня больные не отпускали.

Лида. А ты слышал?

Владимир Иванович. И я слышал, и они слышали. (Быстро ходит по кафе.) При обходе буквально каждый спрашивает: «Правда? Скоро?» Как будто от меня зависит «выписать» немцев из города.

Входит Дарлиц.

Дарлиц. Добрый вечер. Маленькая просьба. (Подает Владимиру Ивановичу бумагу.)

Владимир Иванович. Что это?

Дарлиц. Не откажите прочесть...

Входит Василий Максимович и занимает место у вешалки. Нюра показывается и останавливается в дверях. В руках у нее тарелка с ужином для Владимира Ивановича. Владимир Иванович то опускает, то вновь читает бумагу, слушая Дарлица.

Это обращение к согражданам! Не стану скрывать: возможно отступление. Командование желает, чтобы жители покинули город добровольно. Им будет предоставлена работа на Западе.

Владимир Иванович. При чем же тут я?

Дарлиц. Дочитайте!

Владимир Иванович. «...Я, доктор Казанцев, призываю вас верить германскому командованию и точно выполнить его предписания». Я? Я призываю?

Дарлиц. Вот именно. Вы — всеми уважаемый, честный человек.

Владимир Иванович. «Уважаемый», «честный» посыпает людей на немецкую...

Ольга Павловна. Володя!..

Дарлиц. Да, да, повлияйте на вашего супруга.

Владимир Иванович. Здесь еще я, «я»! Пугаю русских приходом Красной Армии. Это ложь, за которую меня расстреляют.

Дарлиц. Кто? Разве доктор собирается оставаться?

Лида. Вы хотите его увезти от нас?

Дарлиц. О, нет, доктор поедет с семьей.

Ольга Павловна. Значит, и мы...

Дарлиц (замечает *Нюру* и жестом приказывает ей поставить тарелку перед Владимиром Ивановичем). Кушайте, кушайте, доктор!

Владимир Иванович (кричит). Вы глумитесь надо мной! (Меняя тон.) Господин лейтенант, обращение не достигнет цели. Вы

оставляете не первый, а чуть ли не последний русский город. Теперь у людей есть опыт. (Указывает на бумагу.) Они не поверят этому.

Дарлиц. Без вашей подписи — возможно.

Лида. Господин лейтенант!

Дарлиц (Лиде). Виноват. (Владимиру Ивановичу.) Или вы уедете вместе с семьей или вас погонят под конвоем.

Владимир Иванович (прошелся по кафе). Предположим, что я готов дать свою подпись. Что вы предлагаете за эту услугу? Если я не подпишу, меня погонят в Германию под конвоем. Если я подпишу, меня повезут в Германию на машине. То есть, за предательство вы хотите покатать меня на автомобиле. Опоздали: мне не пять лет, я старше. Что вы еще можете предложить?

Дарлиц. Спокойную жизнь в Германии.

Владимир Иванович. Где? У меня в лечебнице есть двое умалищенных... Предложите им, но за успех я не ручаюсь. Нет, господин лейтенант, вам нечем заплатить негодяю, нечем!

Дарлиц. Если вы откажетесь, мы можем вас расстрелять.

Владимир Иванович. А если соглашусь, мне придется стреляться самому. Выбор.

Бедный. У вас очень бедный и мрачный ассортимент.

Дарли. Довольно! Командованию нужно обращение, и оно будет. Подумайте! Я могу подождать. (*Выходя из кафе, Нюра.*) Советую и вам собираться.

Нюра. У меня давно все уложено.

Ольга Павловна. Всего ждали, только не этого...

Василий Максимович. Владимир Иванович! Прекрасно! Я на вашем месте ответил бы то же самое!.. Хотя... не ручаюсь.

Владимир Иванович. Земля, земля из-под ног уходит... (*Согнувшись, идет к внутренней двери.*)

Ольга Павловна (*идя за ним*). Володя...

Лида метнулась за отцом, но остановилась.

Василий Максимович. Приходили — страшно, а уходят — еще страшней.

Нюра (*обнимает Лиду и ведет ее до порога*). Арсеньеву скажите. И я со своей стороны подумаю.

Василий Максимович. Всех, всех погонят. Вижу: дорога и мы под конвоем... Люди изнемогают, падают. Нюра, я себя знаю, я неизменно первый упаду. Вот я лежу у канавы, подходит немецкий солдат с автоматом и...

Нюра. Не скули! Трус ты, что ли?

Василий Максимович. Это не трусость. Это творческая фантазия. Погоди. Подходит с автоматом, а я из последних сил вырываю у него автомат и градом пуль осыпаю противника...

Нюра. Тебе сколько лет?

Василий Максимович. Пятьдесят два. А что?

Нюра. Я думала пятнадцать.

Василий Максимович. Ты и не знаешь, сколько я подвигов в мечтах совершаю, сколько раз погибал героически.

Нюра. Тогда лечись.

Василий Максимович. Дура ты, дура.

Входную дверь дергают, потом стучат.

Нюра. Закрыто, кафе закрыто!

Голос Пряжкина: «Нюрка, ты?»

Василий Максимович. Пряжкин. Ей-богу, он.

Голос Пряжкина: «Дверь сломаю!»

Нюра. Впусти, а то он до утра шуметь будет.

Василий Максимович отпирает дверь. Входит Пряжкин. Он навеселе. Ему немногим больше двадцати лет; строен, одет щегольски; на руке — светлое пальто, на

голове — такая же шляпа. Пряжкин вытягивает руки вперед, обнажая этим движением запястья. И на правом и на левом — золотые часы-браслеты. Приложив кисть к кисти, он смотрит на часы.

Пряжкин. Рано закрываете.

Нюра. Чего вломился? Говорят, закрыто.

Пряжкин. Для Пряжкина нет запертых помещений. (Глядит на Василия Максимовича, поднимает руку.) Да здравствует великая Германия!

Василий Максимович (вяло приподнимает руку, говорит жалобно). Ну, да здравствует!

Нюра. Герой-подвижник.

Пряжкин (тот же жест в сторону Нюры). Великая Германия!

Нюра (спокойно). Ломаться пришел?

Пряжкин. Отвечай на приветствие!

Нюра. И не подумаю. (Поворачивается и медленно отходит к стойке.)

Пряжкин с угрожающим видом опускает руку в карман.

Василий Максимович. Валентин Макарыч! Валентин Макарыч!

Нюра (так же спокойно Василию Максимовичу). Позови-ка сверху моего лейтенанта, пускай он этого бродягу выбросит.

П р я ж к и н (сбавляя тон). Но, но... «лейтенант»... А я кто — знаешь?

Н ю р а. Валька-бандит.

П р я ж к и н (как бы не расслышав). Группен-фюрер.

Н ю р а. Я так и сказала.

П р я ж к и н наливает у стойки два стакана, подзывает Василия Максимовича, пьет с ним «на брудершафт», цепляет и хватает за горло. Отпустив испуганного Василия Максимовича, смеется на свою милую «шутку».

П р я ж к и н (развались за столиком). Виски!

Н ю р а. Нет.

П р я ж к и н. Тоже... ка-фе!.. (Презрительно сморщился.) Ну, коньяк! И бифштекс по-тамбургски!

Н ю р а (совершенно спокойно). Бутерброды с сыром остались. Жрать будешь?

П р я ж к и н. Ты как говоришь с посетителем?

Н ю р а. С сыром подавать? А то брошу и уйду.

П р я ж к и н. Подавай.

Н ю р а небрежно ставит на стол коньяк и тарелку.

Это «сервис» называется?

Н ю р а. По барину и говядина.

П р я ж к и н. Как ты сказала?

Нюра. Оглох, что ли, от высокого положения?

Пряжкин. Сигару!

Нюра. Нету.

Пряжкин. Градусов! Сбегай в магазин, возьми сигары «Корона».

Василий Максимович. Там, пожалуй, закрыто.

Пряжкин. Успеешь. Скажи: «Пряжкин прислал». Живо!

Василий Максимович берет с вешалки фуражку.

«Корона», других не курю! (Одновременно смотрит на часы на обеих руках.)

Василий Максимович ушел.

Нюра. А на ногах у тебя часов нету?

Пряжкин. На ногах нет, а... (Вынимает из жилетного кармана еще одни золотые часы на цепочке.)

Нюра. Тайный агент... Какой же ты тайный, когда от тебя на три сажени тикает!

Пряжкин. Люблю хронометры.

Нюра. Знаю. Недаром при советской власти за эту любовь тебе три гола разлуки дали.

Пряжкин (указывая на Нюру). Господа, и она до сих пор жива! Господа, вы догадываетесь, почему я терплю ее выпады?

Нюра. Моих немецких поклонников боишься.

Пражкин. «Боюсь»... Господа, вы слышите? Пражкин боится!..

Нюра (указывая в угол). Кто это за тобой стоит?

Пражкин (мгновенно вскакивает и опускает руку в карман). Где?!

В углу никого нет.

Тебе вооон пугать, а не Пражкина. (Садится, пьет.) Понимаешь, какой смелости требует моя профессия? Вчера ночью, например, в меня чуть не в упор стреляли.

Нюра. Жалко, что стрелки плохие попались.

Пражкин. Да, неважные. Пражкин стоял с большим успехом. Вот. (Вынимает завернутую в бумагу перчатку.) Он на бегу перчатку бросил. Левую лапу я ему все-таки прострелил.

Нюра (вспоминая). Левую?

Пражкин. Я его до вашего района гнал. Скоился. С завязанной лапой никого не видала?

Нюра. Тебе столько завязанных ходит...

Пражкин. У меня и другие приметы есть. Я целую шайку подозреваю. Видала? (Вынимает из кармана бумагу.) Большой материал для командования готовлю. Завтра доложу.

Нюра. Нет, Пражкин, тебе карьеры не сделать.

Пряжкин. Это почему же не сделать?

Нюра. Ну, ладно. Выпил, нахвастал, — и ступай!

Пряжкин. Нет, почему мне карьеры не сделать?

Нюра. Молод... Глуп... Ступай, ступай!

Пряжкин. Погоди. Почему глуп? Ну, почему?

Нюра. Не бумагу подавать надо... а... Учить тебя, да? Проваливай!

Пряжкин. Стой!..

Нюра. Некогда мне здесь разговаривать.

Пряжкин. Тогда ко мне приходи. Сегодня вечером, а?

Нюра. Занята. Можешь проверить. (Показывает ему записку.)

Пряжкин (читает). «Гогольштрассе, 12. 10 часов вечера. Капитан Паульсен». Что ж, с ним и уезжать собираешься?

Нюра (убирает записку, говорит в раздумье). Он-то зовет, а как с немцем ехать? Повезет, а потом из машины и выбросит.

Пряжкин. И выбросит. Нюра, слушай, поедем со мной! Я же давно за тобой хожу. Мы вдвоем, э-э!

Нюра. Навстречу союзникам поедем?

Пряжкин. Ничего, в Европе где-нибудь затряхнемся. Я по карте смотрел, она извили-

стая. Брось капитана! Пойдем сейчас, вместе обговорим.

Нюра. С тобой пойдешь, а потом — звона...

Пряжкин. Ну, одна иди, следом за мной. Никто тебя не увидит. Сам и впушу и выпушу. Чеоез двадцать минут выйдешь?

Нюра. Ладно.

Пряжкин порывисто обнимает и целует Нюру.

Красивый ты, Пояжкин!

Пряжкин. Говорят, да. Слушай, выходи через десять минут. Выйдешь?

Нюра. Может быть, я и сама тороплюсь.

Входит Василий Максимович, подает коробку.

Василий Максимович. Извольте.

Пряжкин (вынимает сигару, самодовольно закрывает). «Корона». (Нюре.) Сговорились?

Нюра. Сговорились.

На пороге Пряжкин хватает Василия Максимовича за горло. Смеется на свою «шутку».

Пояжкин уходит. Вся бодрость вдруг оставляет Нюру: она садится, руки повисли, голова опущена.

Василий Максимович. Нюра, ты что?

Нюра. Устала.

ЗАНАВЕС

А К Т II

Картина вторая

Продолжение того же вечера. Комната Пряжкина. Здесь наставлены вещи, взятые из разных домов. На шкафике рококо отличной работы — прекрасная ампирная ваза. Рядом с ней закоптелый, помятый металлический чайник. В углу на высокой выдвижной ножке лампа под розовым абажуром. На полу прислоненная к стене картина. На рыночную кушетку брошен дорогой ковер. На столе, рядом с хрусталем, консервы в открытых банках. У стола кресло, обитое старым светлым шелком, и обшарпанный венский стул. На полу новый чемодан. Вход в соседнюю комнату закрыт отвратительными зелеными шторами с помпонами. За темной занавеской — единственное окно. Большой кусок краски на стене осипался, обнажив штукатурку.

Пряжкин кончает накрывать на стол. Напевает,

Пряжкин. Свой уголок я убрала цветами,
Та-ра-ра-та-ри-ри-ра-ри...
Минуты мне казались часами...

(Одновременно смотрит на часы на обеих руках. Наливает в стакан вино. Ставит на стол узкий графин.)

Я вас ждала...

(Что-то мешает стоять графину прямо.) Стой, собака!..

А вы, вы все... (Выпивает.)

Не придет — голову оторву. (Прислушивается, открывает дверь.) Нюра, ты? Входи! (Впускает Нюру, закрывает дверь.)

Нюра осматривается кругом.

Видишь, какая у меня обстановка? (Указывает на шкафик.) Вот это баракло «рококо» называется. (Указывает на вазу.) А может, это рококо... Все равно пропадет. А эта картина из музея. Знаменитого художника. Фамилию забыл. Ну, чорт с ним.

Нюра. Окно во двор? В нижнем этаже жить не боишься?

Пряжкин. В Америке на меня еще пулю отливать не начинали.

Нюра. А там у тебя что?

Пряжкин. Спальня ампир. Пойдем покажу
(Обнимает Нюру.)

Нюра. Погоди. А стол для других гостей
наковыл?

Пряжкин. Виноват. Господа, к столу. (На-
ливает вино.) Вино... как его... одним словом
на «ш». В вашем паршивом кафе такого нету
Нюра, а я помню, когда ты еще ученицей на
 завод поступила. Тогда ты была здорово совет-
 ская. А теперь с немцами...

Нюра. Что с немцами?

Пряжкин. Скажешь, ты не за немцев?

Нюра. Нет.

Пряжкин. А за кого?

Нюра. За себя. Понял? За себя.

Пряжкин. Господа, она права.

Нюра. О деле говорить будем?

Пряжкин. Первое правило: не доверяй
женщинам!

Нюра. Ну, вот сиди и не доверяй, а я по-
шла...

Пряжкин. Куда?

Нюра. Домой. Хождения по улицам 'сօրօ
минут осталось. (Берет со стола свою сумочки.)

Пряжкин. Нет. тешеюсь гости до утра
(Указал на спальню.) Ампир посмотришь.

Нюра. Буду я с пьяным мальчишкой разго-
варивать.

Пряжкин. Ну, ладно, ладно. Извиняюсь.
Положи сумку.

Нюра (*кладет сумку на стол*). Уезжать вместе со мной не раздумал?

Пряжкин. Господа, она кокетничает. (Хочет обнять Нюру.)

Нюра (*отстраняется*). Когда едем?

Пряжкин. Надо последнюю операцию выполнить.

Нюра. Какую?

Пряжкин. Связистов между городом и лесом ликвидировать.

Нюра. А ты их знаешь?

Пряжкин. Подозреваю. (*Вынимает из кармана бумагу*.)

Нюра. Покажи.

Пряжкин. Зачем тебе?

Нюра. Николаевский в списке есть? Слепцов есть?

Пряжкин. Какой Слепцов?

Нюра. Значит, я больше знаю. Ну, не хочешь вместе работать — не надо.

Пряжкин (*подает список*). На, на, смотри!

Нюра (*отстраняет бумагу*). Держи про себя. Нет, Пряжкин, тебе карьеры не сделать. И ехать с тобой... не знаю... С таким пропадешь. Я думала, ты человек изобретательный...

Пряжкин. По-твоему, нет? А ты знаешь,

что я изобрел? Беззвучную мину замедленного действия. (Вынимает из другого кармана несколько листов.) Вот она — мина в пяти экземплярах с печатями. Гляди! (Читает.) «Список секретных сотрудников гестапо». Восемь персон.

Нюра (читая список). С ума сошел? Здесь все советские люди.

Пряжкин. Ага! Сама признаешь, что советские? Правильно. Значит, они из города с нами не пойдут. Кто-нибудь словчится, спрячется. Так?

Нюра. Ну?

Пряжкин. Вваливается в город Красная Армия. (Хлопает по списку.) Эти из щелей вылезут: «Ура! Спасители!» Ну, поцелуй, слова разные... А под них мина подведена. Один экземпляр я оставлю в гестапо, другой — в полиции, третий — ну, хоть здесь. Стой! Думаешь, вот так чистые бумажки и положу? Нет! Учись: один экземпляр надорву, другой скажем, с угла подпалю маленько. Значит, немцы хотели уничтожить, но не успели! Понятно? (Хлопает по списку.) А пока эти с красноармейцами: «Христос воскресе! Воистину» — списки-то и найдут. Хоть один-то найдут? «Вы, что же, в гестапо работали?» А-а-а! Пускай докажут, пускай докажут, что не работали!

Они-то три года праздника ждали, немцев презирали, ни разу не жрали досыта!.. Изобрел или не изобрел? Ваше мнение, господа?

Нюра (опускает голову на стол, потом выпрямляется.) И это ты сам, сам придумал?

Пряжкин. А то нет? (Обнимает Нюру.) Мы с тобой далеко будем, а тут она и взорвется.

Нюра. Вижу, ты вырос, ох, как вырос!

Пряжкин. А ты говоришь... Пойдем, Нюра. (Гибнет ее за руки.) Но помни: если будешь мне изменять, то только по делу, с моего разрешения.

Нюра. Я до самой твоей смерти на шаг от тебя не отйду.

Пряжкин. Ладно. Верю. (Ведет Нюру к смежной комнате.)

Нюра (останавливается на пороге). Там темно.

Пряжкин. Сейчас осветим. (Протягивает руку за портьеру.)

Нюра выхватывает из-за пояса небольшой нож и удараляет Пряжкина. Пряжкин падает. На полу из-под занавески видны только его рука и плечо. Нюра бросает нож, наклоняется к Пряжкину, вынимает из его карманов бумаги, прячет их на груди, встает, растерянно оглядывается. Услыхала, как звякнула рама окна, замерла на месте. Не спуская глаз с окна, отступает к наружной двери. Вот колыхнулась занавеска. Нюра

выскальзывает из комнаты и закрывает дверь. Окно-
ные занавески раздвигаются. В комнату входит креп-
ко сложенный человек лет пятидесяти и сейчас же
сдвигает за собой занавески. Заложив руку за борт
пиджака, он стоит несколько секунд, осматривая комна-
ту. Видит Пряжкина. Человек изумлен. Осторожно
подходит, согибается над Пряжкиным.

ЗАНАВЕС

Картина третья

Утро следующего дня. Кафе. Дарлиц завтракает.
Перед ним с бутылкой в руке стоит Баскаков.

Баскаков. Вы — человек деловой, я тоже
не спортом занимаюсь, разрешите говорить пря-
мо, по-солдатски. (Наливает в рюмку, стоящую
перед лейтенантом.)

Дарлиц. Говорите!

Баскаков. Как я понимаю, германские вой-
ска собираются отсюда перейти на другие по-
зиции.

Дарлиц. Какие позиции?

Баскаков. Ну, на заранее подготовленные.
Я не дипломат, я — негоциант. Из города вы
уходите? — Уходите! Так вот, возьмите меня с
собой.

Дарлиц. Город должны покинуть все.

Баскаков. Мне со всеми не интересно. Это что же? Пешком? Среди враждебного элемента? Знаете, какие у нас люди! Они меня при первой ближайшей возможности... Нет, разрешите мне на машине уехать. (*Наливает лейтенанту.*)

Дарлиц. Вы многое хотите.

Баскаков. Как же много? Я три года в вас верил, три года лояльность высказывал, а прошу всего три часа на машине проехать. Вы мне жизнь дали, а спасти эту жизнь не желаете. Позвольте, где же популярная немецкая логика? Кем я был до вас? Мелкий узелок в местной торговой сети. А с вашим приходом во мне все жизненные инстинкты проснулись. Я стоимость вещей почувствовал. На любом предмете ярлычок с ценой вижу. На луне восемьдесят четвертую пробу различаю! Я же европейцем стал! И вдруг — со всеми, пешком! Нет, позвольте мне на машине, с вещами уехать!

Дарлиц. С вещами?

Баскаков (*наливая лейтенанту*). Вы не беспокойтесь! Трюмо или там комода я не повезу. У меня товар мягкий — меха!

Дарлиц. Меха?

Баскаков. Меха. Лисьи шкуры. Шкуры желаю спасти: полтораста чернобурых и одну свою.

Дарлиц. Почему же я должен вам помогать?

Баскаков. Правильно! Вам угодно стимул получить? Пожалуйста! (Снимает с пальца и подает Дарлицу кольцо.) Перстень. Почти семейный. Носите до самой смерти. Я без намеков говорю.

Дарлиц (рассматривая кольцо). А вы не дешево цените свою...

Баскаков. Шкуру-то? Ай, господин обер-лейтенант, господин обер-лейтенант! Торговаться будем, да? Извольте! Сверх кольца еще пяток чернобурых прикину. Что-нибудь особенное. Можете сами выбирать. Отсюда до меня пять минут хода. Угодно?

Дарлиц. Хорошо. Идем. (Идут к двери.)

Баскаков. Господин обер-лейтенант, только пяток выбирайте, больше не надо. А то аппетит является во время еды, как говорят не совсем побежденные французы.

Дверь открывает и придерживает вошедший с улицы
Василий Максимович.

(Пропускает немца вперед.) Битте! (Уходят.)

Василий Максимович. Последние дни живем, а я в дурацкой шапке двери открываю.

Из внутренней двери входит Нюра. Она очень озабочена. Осматривает стойку буфета, стулья, столики.

Нюра. Василий Максимович, ты не помнишь, я вчера отсюда с сумкой или без сумки ушла?

Василий Максимович. А тебе непременно с сумкой в руках помирать надо?

Нюра. Может быть, я ее здесь оставила? Ты не видал? И паспорт мой там!..

Василий Максимович. На что теперь паспорт? Погибать можно и без паспорта.

Нюра. Помолчи... «Положи сумку»... Говорил он или не говорил? Не помню, ничего не помню. Неужели у Пряжкина? Или на улице уронила?

Входит капитан Паульсен. Он явно с похмелья. Подходит к стойке, указывает на одну из бутылок.

Нюра наливает.

Паульсен. Почему вы вчера не пришли?

Нюра. Адрес потеряла.

Паульсен. О-о! Адрес вы положили в сумочку!

Нюра напряженно смотрит на Паульсена.

Где ваша сумочка? (Указывает на бутылку.)

Нюра наливает.

Почему у вас руки дрожат? (Пишет в блокноте.) Дайте сумочку, я сам положу в нее адрес.

Может быть, вы и сумочку потеряли? Ха! Где вы были вчера вечером, а? Я знаю, вы вчера были у одного молодого человека. О, вы не побоялись полковника Берга. Вы не пошли ко мне, но пошли к другому. Я угадал? Не отрекайтесь!

Нюра. Ну, берите, ведите меня.

Паульсен. Дорогая, днем я занят по горло. Приходите вечером, и у вас будет прекрасная французская сумка. (Бросает на стойку деньги и уходит.)

Нюра (тревожное лицо). Ух ты, боже мой!.. Я думала — он знает.

Василий Максимович. Никогда я тебя такой не видел.

Нюра. Василий Максимович! Я вчера... Ну, все равно... Мне здесь нельзя оставаться. Скажи Лиде, скажи...

Входная дверь открывается.

Вот юни... За мной... (Выбегает во внутреннюю дверь.)

С улицы входит Савелий Михайлович, волоча за собой мешок с картошкой.

Василий Максимович. Савелий Михайлович! Никак ты картошку привез?

Савелий Михайлович. Ее самую. А что?

Василий Максимович. Нашел время! Кartoшку живым возят. А мы... Неужель не вишишь, что на моем лице написано?

Савелий Михайлович. Так, на взгляд — ничего не написано.

Василий Максимович. Значит, у тебя душа неграмотная, вот что...

Савелий Михайлович. Погоди артиста представлять. Говори, как человек с человеком: почему вам каотошка разнадобилась?

Василий Максимович (не без позы). Наши часы сочтены.

Савелий Михайлович. Кто сосчитал?

Василий Максимович. Высшее германское команование!

Савелий Михайлович. Все-таки «высшее»... И тут нашел, чем похвастаться. Да что случилось-то? Хоть перед смертью скажи по-послеше.

Василий Максимович. Немцы уходят.

Савелий Михайлович. Ну?

Василий Максимович. И нам велят уходить.

Савелий Михайлович. А вы не слушайтесь!

Из-за внутренней двери выглядывает Нюра, потом бросается к Савелию Михайловичу.

Нюра. Дядя Савелий!

Савелий Михайлович указывает на потолок.

Василий Максимович. Ушел. (Кивает на Нюру.) С ней что-то делается.

Савелий Михайлович. Сейчас посмотрим. Василий Максимович, сделай одолжение, выйди на время.

Василий Максимович (обиженно). То есть куда выйти, зачем выйти?

Савелий Михайлович (сдержанно). Если бы тебя немец за дверь послал, небось пулей выскочил бы, а я одолжения прошу: выйди на время.

Василий Максимович. Старичный вальс «Лесные тайны». (Уходит.)

Нюра. Ты знаешь, что случилось?

Савелий Михайлович. Знаю. (Подает ей сумку.) На, не тревожься! Документов составлять не следует.

Нюра остолбенела.

Больше ничего не забыла?

Нюра. Ты был там? Зачем?

Савелий Михайлович. За тем же, Анюта, за тем же. Только немножко против тебя опоздал. Вот сумку захватил, ну, и стаканчик твой прибрал.

Нюра. Так это ты, ты в окно стукнул?

Савелий Михайлович. Задел немнога.

Нюра обнимает Савелия Михайловича, потом резко отходит, садится к столику и плачет.

(Гладит ее по голове, по плечу.) Будет, будет...

Нюра (всхлипывая). Вам хорошо... В лесу сидите, черти... Подрались, постреляли и опять в лес. На зеленой земле живете, небо видите... Костры раскладываете. А меня в это проклятое кафе послали... Немцев обслуживаю.

Савелий Михайлович. Знаю, все знаю.

Нюра. А вчерашнее, думаешь, так, просто?

Савелий Михайлович. Все понимаю. И я не к тому готовился. Всю жизнь на земле, на огородах работал. А что с моей землей сделали? А если мы тебя сюда послали, сама виновата: дезская, ну, и лицом приятная.

Нюра (сквозь слезы). Не подлизывайся!

Савелий Михайлович. Ну, будет, не маленькая!

Нюра. Не маленькая... Я и так здесь самая старшая, всех утешать должна, а мне и посоветоваться не с кем и пожаловаться некому. (Передает Савелию Михайловичу бумаги.) Вот вчера у него взяла. Во-время взяла, сам уви-дишь.

Савелий Михайлович. Благодарить
мы тебя после будем. Недолго осталось: Только
бы знать, когда уходить будут.

Нюра. А если узнаю?

Савелий Михайлович. Через Федю
передай. Он нас найдет.

С улицы вбегает Василий Максимович.

Василий Максимович. Сегодня ночью
Пряжкина убили! Сейчас рассказывали. В соб-
ственной квартире. Ведь только вчера вечером
здесь был, с тобой ругался, меня за сигарами
посыпал. Да-с, мы с тобой его обслуживали...
(С завистью.) А вот нашелся настоящий челов-
ек, не побоялся и... Герой? — Герой!.. Что ж
вы не удивляетесь? Ведь только вчера вече-
ром...

Савелий Михайлович. Покричи, покричи,
что вечером его видел!..

Василий Максимович. А что?

Савелий Михайлович. Притянут.

Василий Максимович. Понял. Молчу.

Входит Арсеньев.

Нюра. Этого монтера знаешь?

Савелий Михайлович. Встречались.
Да что здесь только немцам подают или и нам
можно?

Нюра. Садитесь за служебный. (Отходит за стойку, наливает кофе.)

Василий Максимович. Может быть, мне отнять за дверь выйти? Опять «лесные тайны»?

Савелий Михайлович. Не по времени ты обидчивый.

Василий Максимович демонстративно отходит к двери.

(Тихо.) Ну? Когда уходят?

Арсеньев. Пока не узнал. О Пряжкине я слышал.

Савелий Михайлович (передает бумаги). В его бумагах и мы оба помечены.

Арсеньев (пожимая руку Савелию Михайловичу). Смело сделал, Савелий Михайлович.

Савелий Михайлович. Не я сделал.

Арсеньев. Не ты? Кто же?

Савелий Михайлович. Вон та барышня.

Арсеньев встает, делает шаг к Нюре. Савелий Михайлович его удерживает.

Нюра. Алексей Николаевич, вы Лиду видели?

Арсеньев. Нет.

Нюра (ставит на стол кофе). Она к вам бежать хотела. Доктора нашего выручать надо. Из внутренней двери вбегает Ольга Павловна. За нею входит Владимир Иванович.

Ольга Павловна. Я больше не могу! Савелий Михайлович, вы все-таки нас знаете, вы нам картошку возили... Не то, не то... Помогите, посоветуйте... Ведь все... и пекари и музыканты...

Владимир Иванович. Оля, я прошу тебя...

Ольга Павловна. Он готов умереть, только бы никого не побеспокоить.

Арсеньев. Что случилось?

Ольга Павловна не может говорить.

Нюра. Немцы велят Владимиру Ивановичу бумагу подписать, чтобы наши люди с ними уходили.

Арсеньев. Что же вы ответили?

Владимир Иванович. Если бы я согласился, мы бы к вам не обращались.

Арсеньев. Простите, доктор.

Входит Лина.

Владимир Иванович. Сегодня этот офицер о вчерашнем больше не упоминал. Правда, он запретил мне выходить из дома...

Савелий Михайлович. А вы его не слушайте: перебирайтесь всей семьей ко мне на огороды. Меня дома вряд ли застанете, там старуха вас примет. (Протягивает руку Владимиру Ивановичу.)

Ольга Павловна. О! Как мне вас благодарить!.. Я готова чучелом на огороде сидеть, только бы из этой мышеловки... из этого стеклянного ящика с этой... змеей. О! Я опять не то говорю.

Лида. Идите, мама, собирайтесь.

Ольга Павловна и Владимир Иванович уходят. Стоящий до сих пор у двери Василий Максимович подходит к столику.

Василий Максимович. А меня оставляете? Конечно, я особой художественной ценности не представляю, но с точки зрения человеческой гуманности...

Савелий Михайлович. Давай, давай на огороды. Только шапку смени.

Василий Максимович уходит.

Арсеньев. Лида, вы меня искали? Из-за отца?

Лида. Да. И еще... (Смотрит на Савелия Михайловича.)

Арсеньев. Говорите.

Лида. Вчера я нашла немецкий приказ.

Арсеньев (указывая наверх). У него?

Лида. У него. Немцы оставляют город двадцать четврехого в двенадцать часов.

Савелий Михайлович. Значит, послезавтра в полдень. Алексей Николаевич, мы с тобой сегодня из города выйдем, а к двадцать четвертому все здесь будем. С немцами попоощаться придем. (Прощается с Лидой и Нюрой.) Сумочку не забудь. (Выходит из кафе.)

Нюра уходит во внутренние комнаты. Арсеньев задерживается у двери, потом подбегает к Лиде.

Арсеньев. Лида! (Обнимает ее.)

Лида. Сколько раз я с тобой прощалась! И вот опять. Нет, нет, я не прощаюсь с тобой... Я становлюсь суеверной. Ты слышишь! Я не прощаюсь!

Арсеньев. Хорошо, дорогая. Ну, мне пора.

Лида. Алеша, погоди... А твоя рука? Она же повоеждена, это мешает. Ты можешь неходить. Ты вовсе не должен идти!

Арсеньев (тихо, укоризненно). Лида... Лида...

Лида. Прости. До свиданья, родной мой! (Коротко обнимает Арсеньева.)

Арсеньев уходит. Несколько секунд Лида одна. Входит Баскаков.

Баскаков. Здравствуйте, Лидия Владимировна. А швейцар где? Почему за буфетом никого нет? Извините, глупо спросил, по привычке. (Подходит к стойке, пьет.) Посетителей никого?

Лида. Почти никого.

Баскаков. Закрывать надо. (Машет рукой.) Без меня обойдется. Это маленькое кафе закроют большие события. Вы чем-то расстроены? Хотя теперь все расстроены: кто от страха, кто от радости. Вы рады? Ждете?

Лида. Очень рада, очень жду.

Баскаков. Спасибо за честный ответ. Вася не подведу. А кого я подвел? Когда подвел? И вот приходится уходить. С этой, с бывшей германской армией.

Лида. Зачем же?

Баскаков. Слишком торговал на фоне народного бедствия. (Выпивает.) Мы с детства как немцев себе представляли? Аккуратные. Мастера были, механики. Очки, рояли чинили. Скажет — в пятницу и сделает, сукин сын, в пятницу. А у этих какая специальность? Бандиты, неврастеники. Не умеешь побеждать — не берись. А теперь до чего и себя и, главное, меня довели!.. Сяди — русские, спереди — англо-американцы!.. Ох, теснота, ох, теснота!.. Арийцы... Мне с ними только вы-

ехать, потом я к нейтралям перебегу, в Швейцарию. Там — тишина, люди часы, шоколад с молоком делают, а главное — в тебя не стреляют. (Вынимает из кармана футляр.) На горькую память обо мне примете?

Лида. Нет, спасибо.

Баскаков. Так я и думал. (Выпивает.) Помните? В прошлом году я вашей руки просил... Хамство, нахальство! (Размахивается, чтобы бросить бокал об пол.) Разбей бокал — в нем нет вина! (Осторожно ставит бокал на стойку.) Эх, ничего я больше не скажу, ничего я больше не сделаю! (Идет к двери. На пороге.) Кто накормит, кто напоит, боже добрый, сироту? (Уходит.)

Из внутренней двери появляется голова Василия Максимовича.

Василий Максимович. Лидия Влади- мировна, бежимте скорей: у меня предчувствие. (Скрывается.)

Входит Нюра.

Нюра. Идите. Там Ольга Павловна волнуется.

Лида выходит. Нюра укладывает в чемоданчик съестное с буфета. Входит Мышеловский.

Нюра. Не до тебя, Мышеловский, некогда, некогда.

Мышеловский. Я проститься пришел.

Нюра. Рано что-то прощаешься. Ну, ладно. Ты не жди: плакать не стану, не видеть бы вас вовсе.

Мышеловский. Нюра, я же не немец, я наполовину...

Нюра. Убьют тебя, Мышеловский, и на половину не посмотрят. Ты жить хочешь?

Мышеловский вздыхает.

Тогда... (Поднимает руки.) Понял? Ну, ступай... А если когда свататься соберешься, с автоматом к невесте не ходи, а с цветами, с конфетами.

Мышеловский. Я не буду за другой девушкой свататься. Завтра пройду в последний раз, взгляну на это окошко...

Нюра. Завтра? Погоди, вы когда из города уходите?

Мышеловский. Запрещено говорить.

Нюра. Это вам, дуракам солдатам, запрещено, а я от одного капитана знаю: 24-го, в 12 часов уходите.

Мышеловский. Это верно, это было. Теперь отменили. Теперь — завтра.

Нюра. Врешь! Мне-то можешь сказать?

Мышеловский, оглянувшись, достает бумажку — выписку из приказа, показывает Нюре.

А что я здесь пойму?

Мышеловский. Вот цифры: 23.8.

Нюра. Завтра уходите? Все уходите?

Мышеловский кивает.

(Метнулась, возвращается, подталкивает Мышеловского к двери.) Прощай, Мышеловский, прощай!.. Да прощай же!.. (Закрывает дверь за Мышеловским.) Как же теперь? Федю, Федю искать!

Входит Владимир Иванович. За ним, на пороге — Лида.

Лида. Отец, надо торопиться!

Владимир Иванович. Мне необходимо позвонить в лечебницу.

Нюра. Лида, все переменилось! (Бежит и вместе с Лидой скрывается в дверях.)

Владимир Иванович набирает номер. В кафе входит нищий художник. Владимир Иванович опускает трубку.

Художник. Доктор Казанцев, ты — подлец! Вы — подлец!

Владимир Иванович, приложив пальцы к груди, медленно и вопрошающе подходит к художнику.

Художник. Об этом кричат стены!

Владимир Иванович. Вы нездоровы!..
(Наливает воду в стакан.)

Художник. Каждый перекресток кричит:
доктор Казанцев — подлец! (Бросает скомканную бумагу и выходит.)

Владимир Иванович поднимает листок, развертывает.

Владимир Иванович. Это подлог!..
Не позволю!.. (Бросается вон из кафе.)

ЗАНАВЕС

А К Т ІІІ

Картина четвертая

Продолжение того же дня.

Улица. Разбитые и рухнувшие стены домов. Остов печки. Груды щебня, за ними — сломанное дерево с одной зеленой веткой. В печи — огонь. На нем котелок. Возле огня человек пять бездомных. На щебне под деревом сидят Коля и Зина. Рядом лежит скрипка в футляре.

Коля. Зина, я уверен, когда-нибудь музиканты напишут и сыграют нашу жизнь, наши мученья и надежды и все это. (Указывает кругом.) Ты знаешь, даже самая страшная жизнь может превратиться в прекрасную музыку. Иногда кажется: вот, вот я ее услышу. Зина, мы вечером уйдем, а там...

Зина. Я боюсь итти.

Коля. А здесь не боишься?

Зина. Они нас поймают.

Коля. Да нет! Федя мне совершенно точно рассказал всю дорогу. Через два дня мы вернемся, а здесь уже наши будут.

Зина. А что для тебя при немцах было самое страшное?

Коля. Когда они на регистрацию вызывали. Нет, когда ночью брали заложников.

Зина. А для меня другое. Еще в самом начале. День был солнечный, солнечный... Я шла по мосту, а два немецких солдата нагнулись над перилами, курят и разговаривают. Так спокойно, так обыкновенно разговаривают. Потом один плеснул в воду и другой тоже. Нет, нет, они без всякого значения, просто так плевали. И вдруг мне представилось, что немцы всегда здесь останутся. Я тогда шла и от тоски спотыкалась. Ты в колдовство веришь? Нет, ты не веришь: а я колдую. Надо вот так, крепко, крепко закрыть глаза и говорить. Только всей душой, всеми силами: «Приходите скорей, приходите скорей...» И тогда они слышат.

Коля. Я тебя очень люблю.

Входит Федя. Это парень-подросток на костылях.

Одна нога согнута и безжизненна.

В руке — пачка сигарет.

Федя. Лучшие германские сигареты фирмы
Неуербург! Лучшие сигареты!.. (Проходя мимо
печки.) Фабрике-кухне почтение. (Поровнялся с
Колей и Зиной.) В парке культуры-отдыха по-
сиживаете? В зеленом городке?

Коля. Федя, Федя!

Федя останавливается.

Ты говорил — сначала итти вдоль шоссе?

Федя. Поди сюда.

Коля подходит.

Чего орешь? Вот я тебе долбану костылем в
голову. Дорогу не запомнил? Может, тебе на
стенке план нарисовать?

Коля. Нет, я запомнил, запомнил.

Федя. Тогда кури и молчи! (Дает Коле
сигарету, уходя, выкликает.) Лучшие герман-
ские сигареты фирмы Неуербург!

Коля (Зине). Не бойся. Я дорогу помню!

Входит Нюра.

Нюра. Ты Федю не видал?

Молчание.

Федя здесь не проходил?

Коля. Спросите у своего шуцмана.

Нюра. У меня дело очень важное, пони-
маешь?

Коля. Я в ваших делах неучаствую.

Зина. Не приставайте к нам, мы вас не трогаем.

Коля. Он полчаса тому назад в ту сторону пошел. (Указывает в противоположном направлении.)

Нюра идет, ее окликает женщина.

Женщина. Что, сладкий кофий допили? Линяют твои господа, повсеместно линяют. Чего встала? Все равно не боюсь, теперь твоя очередь бояться.

Нюра. Сказала бы я... (Уходит.)

Женщина (кричит вслед). Нечего тебе сказать, нечего!

Входят два немецких солдата с листами и ведерком. Наклеивают один лист на стену, идут дальше. Все приближаются, читают листок. К ним присоединяются двое прохожих.

Мужчина. Всем собираться в казарме.. Велят с немцами уходить.

Женщина. Так мы их и послушали.

Мужчина. Кого их? Тут доктор Казанцев подписался.

Коля. Это не так, это невероятно.

Первый прохожий. Может быть, его заставили?

Коля. Его не могли заставить! Он бы не согласился! Я его знаю.

Женщина. Если доктор Владимир Иванович, значит, правда, значит, уходить надо.

Второй прохожий. Здесь говорится, что он и сам с немцами уходит.

Вбегает Владимир Иванович, поднимает руку, но первые секунды не может говорить от волнения.

Владимир Иванович. Товарищи! (Указывает на лист.) Это — ложь! Это — гнусная ложь! Да, меня принуждали, но я отказался. Я отказался. Они это сделали без меня!.. Они думали, я побоюсь, не посмею протестовать!.. Энайте: это — подлог! Я никогда не подписывал вот этой... вот этого... (Срывает листок со стены.)

Вбегает Нюра.

Нюра. Владимир Иванович, сюда патруль идет!.. Владимир Иванович...

Владимир Иванович. Они могут убить меня, но это им не поможет. Им больше ничего не поможет! Прячьтесь, уходите в леса!

Вбегают двое солдат, берут и ведут Владимира Ивановича.

Немецкий солдат. Все в казарму!

Владимир Иванович. Не слушайте их, не ходите!

Его уводят. Площадь мгновенно пустеет. Коля и Зина становятся за печную трубу. Входит Федя.

Нюра (бросается к нему). Федя, я тебя
везде ищу. Сегодня, как стемнеет, иди в отряд,
доберись во что бы то ни стало. Передай: немцы
уходят не 24-го, а завтра, завтра в восемь
утра. Завтра в восемь.

Федя. Сделаю.

Нюра (смотрит в сторону). Опять они!
Уходи!

Федя идет, опираясь на костили. Появляется второй
патруль — двое. Один останавливается около Нюры,
другой окликает Федя.

Ефрейтор. Стой!

Федя продолжает итти.

Стой! (Догоняет.)

Федя (ноет). Ну, вот... Чего вам? Я — убогий,
разве вы не видите — сигареты продаю...
Вот, пожалуйста, закуривайте... Не желаете,
как желаете... а я пойду. (Хочет уйти.)

Ефрейтор вырывает у него костили. Федя садится на
корточки, опираясь о землю руками.

Нюра. Господин ефрейтор!

Ефрейтор подходит.

Почему меня задержали?

Ефрейтор. В казармы!

Нюра. Меня в казарму?! Вы что? Вчера

из Берлина, что ли? Я с капитаном Паульсем уезжаю. Он мне две записки прислал. (Показывает записку.) Читайте: его рука? Его адрес? Пойдемте к капитану, нет, пойдемте! Он вам такую казарму покажет! Какой части? Как фамилия? Ладно, ступайте, я вас прощаю.

Пока Нюра показывала солдатам записки, Федя бросился, как со старта, и, ничуть не хромая, убежал без костылей. Нюра идет в одну сторону. Солдаты поворачивают в другую, не находят Феди. Ефрейтор со злобой бросает костили. Солдаты осматривают улицу, влезают на кучу щебня, замечают Зину и Колю. Жестами приказывают им выйти на дорогу.

Ефрейтор (берет Зину за руку). Идем!
Коля. Отпустите, отпустите ее, мы сами придем!

Ефрейтор отталкивает Коля.

Зина. Коля!

Коля вцепился в ефрейтора, но другой солдат снова отталкивает его. Коля уронил скрипку. Ефрейтор и Зина скрылись за углом. Солдат загородил дорогу, взял карабин наизготовку. Коля бросается на солдата, тот стреляет и скрывается. Коля падает. Через несколько секунд возвращается Нюра. Наклоняется над Колей, приподнимает его голову.

Нюра. Коля... Коля... Дурачок ты мой... Железная маска... (Поднимает скрипку.)

ЗАНАВЕС

Картина пятая

Раннее утро следующего дня. Кафе. Стулья перевернуты и поставлены один на другой. Темная занавеска криво поднята до половины. Во внутреннюю дверь осторожно входит Нюра, за нею — Василий Максимович. Он в изнеможении опускается на стул.

Василий Максимович. Вчера надо было сразу на огороды итти. А все Владимир Иванович... Геройствовать побежал. Я вот тоже хочу геройствовать, однако сдерживаюсь. Уж один патруль сюда стучался. Куда теперь денемся?

Нюра. Молчи!

Василий Максимович. Господи, Никола-угодник! Богородица дево, радуйся!.. Нет, я антирелигиозные куплеты сочинял. Мне бог не поможет!..

Нюра. И правильно сделает. (В дверь.) Лиза, Ольга Павловна...

Лиза выводит Ольгу Павловну.

Василий Максимович. Мы из-за Владимира Ивановича не ушли, а теперь погибаем.

Нюра. Если останешься жив, самому стыдно будет.

Ольга Павловна. Его убили. Зачем вы от меня скрываете?

Лида. Нюра, скажите вы,— мне она не верит.

Нюра. Ольга Павловна, ну, вот, ей-богу! Вчера все на моих глазах было: его в казарму повели. Солдаты и не поняли, что он там кричал.

Ольга Павловна. Тогда и я пойду в казарму.

Василий Максимович. Вот, пожалуйста.

Ольга Павловна. Я хочу быть вместе с ним, пустите меня!..

Лида. Мама, милая, я сама, не знаю, что делать!

Ольга Павловна. Пустите меня!

Нюра. Хотите его участь облегчить? Чтоб он не только за себя, а и за вас мучился? Прятаться, здесь прятаться надо.

Лида. Где же здесь?

Нюра. В кладовую, в подвал.

Василий Максимович. А если искать станут?

Нюра. Не здесь же, у него на дороге, сидеть. (Указывает на потолок.)

Василий Максимович. А вдруг они, дом взорвут?! Нюра! (Тянет ее в сторону.) А может, на самом деле — в казарму? А там по пути нас и освободят, а?

Нюра. Еще с тобой тяньчиться? Тебя ублюкивать? Ну, ступай, отправляйся! Да ты один и на улицу боишься выйти.

Наверху шум.

Слышите? Пора.

Лида. Идемте, мама, идемте. (Уводит Ольгу Павловну в кладовую.)

Нюра (Василию Максимовичу). Ну? Оставайся. (Входит в кладовую и прикрывает дверь.)

Василий Максимович (бежит следом). Нет, нет, и я с вами!.. (Вбегает в кладовую, закрывает за собой дверь.)

За сценой голос Дарлица: «Эй, кто-нибудь!.. Госпожа Казанцева!.. Лида!..»

Дарлиц входит; он в шлеме, в походной амуниции. За Дарлицем — Мышеловский с офицерским чемоданом. Ставит его у дверей, оглядывается, берет с буфета салфетку. Дарлиц толкает ногой дверь в кладовую. Дверь распахивается.

Дарлиц. Эй! В доме никого? Их у вели? Мышеловский. Мне неизвестно, господин обер-лейтенант. В комнатах никого нет. (Кладет салфетку, берет брошенный на стул маленький белый фартук.)

Дарлиц. Зачем вам эти тряпки?

Мышеловский вздыхает и бережно кладет фартук.

Осмотрите кладовую и подвал. Если найдете хоть одну живую собаку — застрелить!

Мышеловский. Слушаю. (Уходит в кладовую.)

Дарлиц (берет телефонную трубку). Господин Баскаков? Мы выезжаем через десять минут. Торопитесь! Да, в кафе.

Кладет трубку. С улицы стучат в дверь. Дарлиц отпирает. Входит капитан Паульсен.

Паульсен. Машины сейчас будут. Скверный знак.

Дарлиц. Вы о чем?

Паульсен. Скверный знак: французы дают нам спокойно уйти из города. Следовательно, на западе смыкают окружение. Ну, что ж, выпьем за победу. Момент, кажется, подходящий. (Наливает.) За победу!

Дарлиц. Вы верите в победу?

Паульсен. Я ее иногда даже вижу. Но только на самом дне бутылки. (Пьют.)

Входит Мышеловский.

Дарлиц. Ну?

Мышеловский. Господин обер-лейтенант, в подвале никого нет.

Дарлиц кивает на внешнюю дверь, Мышеловский выходит.

Паульсен. Скажите, Отто, вы умеете что-нибудь делать? Представьте: мы останемся живы и вернемся домой, ну... не совсем победителями...

Дарлиц. Что я умею делать? Командовать, взрывать, стрелять в кого угодно.

Паульсен. Родных у вас нет?

Дарлиц (пренебрежительно). Тетка. Так, старуха в линялом лиловом платье. (Зло.) Но даже она не простит нам поражения.

Паульсен (наливает). В таком случае — за победу!

Дарлиц (бешено). Господин капитан!..

Паульсен. Ну, чорт с вами, пейте за тетку.

Дарлиц. Ошибка в том, что мы воевали слишком гуманно.

Паульсен (кашляет и опускает бокал, из которого пил). Что? Я подавился.

Дарлиц. Да, больше, во сто крат больше ужаса. Тогда бы мир забыл о сопротивлении!

В дверь с трудом протискивается запыхавшийся Баскаков. На плечах у него объемистый тюк, в руке — небольшой чемоданчик. Баскаков сваливает тюк на пол, вытирает голову платком.

Баскаков. Доброе утро, господин обер-лейтенант. (Паульсену.) Здравия желаю. (Рекомендуюсь.) Попутчик. Берете посошок на

дорогу? Хорошая старая традиция. (Оглядывается.) А служащие мои?

Дарлиц. Их увезли в казарму.

Баскаков. И Лидию Владимировну? Барышня здесь была такая.

Дарлиц. Вероятно.

Баскаков. Значит, и ее? Та-ак...

Дарлиц. Вы недовольны распоряжением командования?

Баскаков. Что вы, я доволен. Выше головы доволен. Разрешите узнать, чего ждем?

Дарлиц отводит Паульсена в сторону и тихо говорит с ним, кивая на Баскакова, который, севши на свой тюк, с напряженной улыбкой следит за офицерами. Слышно, как за окном подъезжает и останавливается автомобиль. Входит солдат.

Паульсен. Это моя машина. (Указывает солдату на тюк.) Возьмите.

Баскаков. Значит, я с вами поеду?

Паульсен. Вы поедете с обер-лейтенантом.

Баскаков. Позвольте, как же так? Господин обер-лейтенант?.. Господин рядовой... Не хватайте!.. Вещи в одной машине, я — в другой... Где же логика?

Дарлиц. Через две минуты вы поедете со мной.

Солдат снова берется за тюк.

Баскаков. Обождите, господин рядовой! Куда чужое добро тянете! Господин обер-лейтенант, я не могу с багажом порознь. Мы как уговаривались? Я плюс вещи. Вместе, в 'одной машине!

Паульсен (солдату). Выносите! (Выходит.)

За ним солдат несет тюк. Баскаков за него держится.

Баскаков. Позвольте досказать!.. Я покорнейше протестую! (Скрывается.)

Дарлиц. Мышеловский!

С улицы входит Мышеловский.

Поджечь дом и вернуться сюда!

Мышеловский идет во внутреннюю дверь. С улицы входит Баскаков.

Баскаков. Уехали... Увезли... И шофер у них вроде как пьяный; только и знает, что законного владельца в грудь толкать. И по какой дороге они поедут? Еще разминемся...

Дарлиц ходит из угла в угол.

(Выглядывает в окно.) Вот она — машина. Господин обер-лейтенант, время, ей-богу, время.

Дарлиц (кричит во внутреннюю дверь).
Мышеловский!

Баскаков. Чего еще ждем? Поедемте! В городе никого не остается. Вот-вот русские застукают. Может быть, вы из-за военной доблести погибнуть желаете? (Кричит.) А я — штатский негоциант! Знал бы — с таким героем не связывался. Давайте ножками в машину!

Дарлиц. Мышеловский!.. Провалился...
(Резко поворачивается к Баскакову, указывает на чемоданчик.) Это что?

Баскаков. Где?

Дарлиц. В чемодане.

Баскаков. Ну, мыло, ну, полотенце: дорожная гигиена.

Дарлиц. Покажите.

Баскаков. Какой вам интерес смотреть на чужую зубную щетку, не понимаю...

Дарлиц. Дайте. (Берется за чемоданчик.) Ого, щетка тяжелая.

Баскаков (не выпуская чемодана). Гостодин обер-лейтенант, да вы что задумали?

Дарлиц. Уберите руки! (Вынимает пистолет.)

Баскаков. Здесь последнее, кровное!.. (Тихонько, жалобно кричит.) Ка-ра-ул! (Пытается.) Не стреляйте... Уделите внимание... Берите половину и поедемте.

Дарлиц. Вы никуда не поедете. Вон отсюда! (Поднимает пистолет.)

Баскаков, расставив руки, пятится к двери.

Баскаков (негромко). Был у Христа-младенца сад... (Выходит, не поворачиваясь к Дарлицу спиной.)

Дарлиц. Мышеловский, Мышеловский!

В дверях — Баскаков.

Баскаков. Ворюга! (Скрывается.)

Дарлиц. Мышеловский! А, черт!.. (Хватает свой чемодан и чемодан Баскакова, быстро выходит.)

Слышно, как отъезжает автомобиль. Несколько секунд кафе пустое. Медленно открывается дверь кладовой. Входит Нюра и осторожно пробирается к окну. Не отрывая глаз от окна, она протягивает руку в направлении кладовой, но ничего не может сказать, только глотает воздух. Наконец, выговаривает сначала тихо и хрипло, потом кричит.

Нюра. Русские!.. Русские!..

ЗАНАВЕС

Картина шестая

Ранний солнечный вечер того же дня. Кафе. За столиком — два русских офицера. Вокруг них сидят и стоят: Ольга Павловна, Лида, Нюра, Владимир Иванович, Василий Максимович и Арсеньев. Волнение после пережитого еще не улеглось. Все говорят в повышенном тоне, иногда перебивая друг друга.

Несколько голосов (одновременно). Скажите... Скажите... А правда, что в Ленинграде?.. Позвольте мне спросить!..

Старший лейтенант. Товарищи! Я вам о России два часа рассказывал. На первый раз хватит.

Ольга Павловна. О, я понимаю, мы совсем замучили господина обер-лейтенанта!

Старший лейтенант. Вы лучше мое звание на русский лад переведите.

Ольга Павловна. О, простите, господин старший лейтенант.

Старший лейтенант (смеется). Еще чуть-чуть переведите, и будет верно.

Лида. Мама, «товарищ старший лейтенант».

Ольга Павловна. О, я понимаю!

Лида. Не говорите «о»!

Ольга Павловна. Что же тогда остается говорить? «О» — совершенно советская буква! (Старшему лейтенанту.) Вы...

Старший лейтенант. Меня Иван Ивановичем зовут. Устраивает?

Ольга Павловна. О, совершенно устраивает, товарищober-лейтенант.

Младший лейтенант. Мамаша у вас все еще немножко оккупированная.

Ошибки Ольги Павловны особенно забавляют Василия Максимовича.

Василий Максимович. Оккупированная! Веоно! А что вы думаете? Дорогие мои!.. Я здесь швейцаром был. Так вот, меня все время к двери тянет. Ну, не могу от лверей отойти, да и только! И еще: сейчас я без фуражки, а галуны на голове чувствую. Эти галуны мне зигзагом в мозги врезались.

Младший лейтенант. Теперь позвольте мне спросить. Ведь я оодился в этом городе. учился мальчишкой. Школа моя на Лесной цела?

Владимир Иванович. Школы нет.

Младший лейтенант. А ведь я вас, товарищ доктор, знаю. И дом, где вы тогда жили. Еще сад был при доме. И особенно, извините, собаку вашу помню. «Цыган» звали. Злющая, чорт, была.

Владимир Иванович. Откуда же такие подробности?

Младший лейтенант. Я в ваш сад за орехами лазал.

Ольга Павловна. Очень приятно! Когда же это было?

Младший лейтенант. Да лет девять-десять назад.

Ольга Павловна. Позвольте, позвольте... А стеклянную дверь на балконе не вы разбили?

Старший лейтенант. Влетел!

Младший лейтенант. Не я, ей-богу, не я! Это кирпичиной Колька Семенов. Он теперь батальоном командует.

Лида. Такой день, а мы глупости говорим.

Ольга Павловна. Вы меня перебили. Я хотела предложить гос...

Нюра. Правильно! Лида, поработаем еще раз официантками. Теперь от души. Товарищи командиры, вас чем угощать?

Василий Максимович (хватает стойки бутылки). Как чем?! Вот, вот!

Нюра. А тебе этого «вот-вот» не довольно?

Нюра, Ольга Павловна и Лида выходят.

Василий Максимович. Дорогие мои!.. Три года не прикасался. Я с горя никогда не пью. Зато сегодня, в день великого германского затмения, разрешите! (Наливает вино.)

Владимир Иванович. Когда наши внуки будут читать об этих годах, они, пожалуй, многого не поймут.

Василий Максимович (восторженно кричит). И слава богу, если не поймут! Я помню: во втором классе мне досталось отвечать про смутное время в семнадцатом веке. И вот я барабанил! Да звонко, радостно!.. «В осажденной Москве жители питались травой, а матери от голода поедали своих собственных детей!» Что я понимал? Ничего. Понимал, что мне пятерку поставят, и радовался. А если бы я по-настоящему в историю проник, я бы с двенадцати лет несчастным стариком был! Товарищи внуки! До конца не вникайте!

Старший лейтенант. Хорошо. Тогда вы во втором классе были, а потом?

Василий Максимович. А потом из третьего меня уволили. Мать, помню, плакала, отец плорал... Ох, счастливое время! Ваше здоровье!

Ольга Павловна, Нюра и Лида вносят наполненные тарелки и ставят их перед офицерами.

Ольга Павловна. Володя, поди и отдохни; тебя же сегодня расстреливали.

Владимир Иванович. Да, вот такой бытовой фразы внуки, пожалуй, не поймут.

Старший лейтенант. Значит, Савелий Михайлович в последнюю минуту подоспел?

Владимир Иванович. В последнюю. Немцы нас уже согнали с дороги на обочину и...

Ольга Павловна. Не рассказывай: тебе сегодня больше нельзя волноваться. (Офицерам.) А вы знаете, я считала Савелия Михайловича простым огородником. Он нам картошку привозил.

Лида. Мама...

Ольга Павловна. Ну, да, я даже с ним торговалась. И вдруг он — начальник отряда и он спасает моего мужа? Товарищ обер-лейтенант, слушайте! И в том же отряде вот этот молодой человек, монтер. И, оказывается, этот монтер — жених моей дочери!

Владимир Иванович. Оля...

Ольга Павловна. Я не успеваю как следует удивляться: оказывается, он не монтер, а инженер! А вот эта Нюра, оказывается, во все не Нюра, то есть, она, конечно, Нюра... но...

Нюра. Ольга Павловна, не обижайтесь, а все-таки вас не добомбили.

Ольга Павловна. От меня всегда все, все скрывали, товарищ младший лейтенант. (Последние слова выговаривает тщательно.)

Василий Максимович. И от меня

тоже. Даже подвиги потихоньку от меня совершили. А я был готов.

Несмело входит Зина. Останавливается у порога.

Ольга Павловна. Ты что, девочка?

Зина поворачивается, чтобы уйти.

Нюра. Погоди, погоди минуту!

Зина. В этом кафе служил мой товарищ Коля. Он на скрипке играл. (Подходит к эстраде.) Он вот здесь играл. А я иногда с улицы слушала. Я сейчас уйду.

Нюра. Куда ж ты пойдешь? У тебя есть кто-нибудь?

Зина отрицательно качает головой, садится на эстраду и низко склоняется.

(Подбегает, садится рядом.) Послушай, послушай... (Оборачивается к остальным, кричит.) Ну, что я ей скажу!.. (Зине.) Никуда ты не пойдешь, оставайся! Ольга Павловна, ее накормить надо.

Ольга Павловна. Да, да, конечно.

Зина (встает). Приходите скорей, приходите скорей... Пришли!

Нюра. Ты поешь, отдохни, там подумаем. (Уводит Зину.)

Ольга Павловна идет за ними.

Василий Максимович (офицерам).
Тут мальчик был, Коля... (Тихо говорит с военными.)

Арсеньев (подходит к Лиде). Лида, нам придется еще раз попрощаться. Здесь у меня ничего не выйдет. Сегодня великий день, а мне нехорошо. Слишком много накопилось при немцах. Завтра буду проситься в армию.

Лида. Алеша...

Арсеньев. Нет, ты не станешь, ты не можешь меня отговаривать.

Лида. Я так ждала этого дня... Я думала, что теперь...

Арсеньев. И я так думал. Оказывается, рано. Понятно?

Лида. Да.

Арсеньев. Спасибо, дорогая, спасибо. (Громко.) Василий Максимович, что ж вы не наливаете?!

Василий Максимович. Я не наливаю?! Да господи!.. (Хватает бутылку.)

С улицы входит Баскаков. Одет в старую куртку, фуражку и поношенные сапоги. Оглядел присутствующих, кланяется офицерам.

Баскаков. Приветствовать не решаюсь.

Старший лейтенант. Вы кто?

Баскаков. Бывший владелец (жест) по-

мешения. Негоциант. То есть торговал, не считаясь со временем. Разрешите вопрос: здешних немцев всех переловили?

Старший лейтенант. Живых — всех.

Баскаков (на секунду оживляясь). А в ихних машинах тючок и ручной саквояжик вот такой не попадались? Хотя вопрос теперь устаревший. Я зашел, собственно, другое спросить: где советская комендатура помещается?

Старший лейтенант. Вот это по существу. Первая улица направо, № 8. (Кивает младшему лейтенанту. Тот быстро выходит из кафе.)

Баскаков. Бывшая Гогольштрассе. Благодарю вас. (Кланяется Лиде, идет к двери.)

Из внутренних комнат выходит Нюра.

(Приостанавливается.) Нюра, сегодня скатертики надо бы чистые постелить.

Возвращается младший лейтенант. За ним на пороге боец.

Старший лейтенант (указывая на Баскакова). Проводите в комендатуру.

Баскаков вытягивается и, подражая военному шагу, выходит из кафе. Боец — за ним.

Василий Максимович (машинально)

закрывает за Баскаковым дверь). Тьфу! Ну, гот, притягивает меня эта дверь проклятая! (Двери.) Отвяжись! Я больше при тебе не со стою! (Входит на эстраду.) Вот мое место! Товарищи, посвящаю свое первое выступление освободителям последнего русского города.

(Потирая руки, прохаживается по эстраде.) Привет, друзья! Привет, друзья! (Декламирует.)

Перевыполнив заданье,
Я, свободный от забот,
Поспешаю на свиданье,
Где меня подруга ждет.
— Здравствуй, Клава, как работа?
Обними и отвечай!
— Выше нормы, больше ста! —
Шепчут жаркие уста.

(Берется за голову.) Какая ужасная халтура!. Но нет у меня достойного репертуара. Нет. Выпьем так.

Младший лейтенант. Чудной старик, ей-богу!

Старший лейтенант. Ну, для нас этот город не последний. Для нас еще работы осталось.

Возвращается Ольга Павловна.

Ольга Павловна. Она заснула. И во сне лицо такое несчастное...

Старший лейтенант. Мы шли, челове-

ческой беды насмотрелись. В каждом городе, в каждой деревне...

Владимир Иванович. А мы так устали, что еще и не сознаем всего счастья, которое вы принесли.

Ольга Павловна. Взять хотя бы одно: вот из этой двери больше никогда, никогда немец не появится. -

Из внутренней двери входит Мышеловский.
Ольга Павловна падает на стул.

Нюра. Мышеловский!

Он кладет карабин на стойку, делает шаг вперед и подымает руку.

(Ободряюще.) Вот, вот так... Где же ты был?

Мышеловский. Во дворе был, за дровами кидел.

Старший лейтенант. Почему раньше не вышел?

Мышеловский. Я ждал, когда отдохнут, покушают.

Старший лейтенант. Ага, вежливым стал.

Нюра. Это Мышеловский. Он давно в плен стремится.

Старший лейтенант. Проводите!

Младший лейтенант указывает Мышеловскому на дверь и выходит за ним.

Нюра. Ничего, Мышеловский, там разберутся.

Старший лейтенант (Нюре). Ну, а вы что делать собираетесь?

Нюра. Жить! Мы по человеческой жизни вот так истосковались! Зеленой земли хочу, ясного неба... И работать хочу... и танцевать, и чтобы мне цветы дарили... Ох, я жадная!.. Что я еще думала? Да! Здесь после Коли скрипка осталась. Он все о нашей жизни пытался сыграть. Не успел. Только струны пробовал. Я хочу, чтобы нашелся другой музыкант и со всей душой сыграл и о нашем горе и о великой нашей радости.

ЗАНАВЕС

